

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-60

Чикунов, Геннадий.

Ч-60 Я был там. История мальчика, пережившего блокаду Ленинграда, который смог вернуться домой / Геннадий Чикунов. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Из личного архива).

ISBN 978-5-04-117134-6

Автобиография Геннадия Чикунова — это воспоминания о том, как счастливое довоенное детство сменяется выживанием в блокадном Ленинграде, а наивная вера в лозунги сталинских парадов и агитфильмов испаряется перед лицом подлинного страдания.

В отличие от многих похожих книг, концентрирующихся на блокаде как событии, «запаянном» с двух сторон мощными образами начала сражений и Победы, автобиография Чикунова создает особый мир довоенного, военного и послевоенного прошлого. Этот мир, показанный через оптику советского ребенка, расскажет современному читателю о том, как воспринимались конец 1930-х годов, Великая Отечественная война, «смертное время» блокады, чего стоила не менее опасная эвакуация и тяжелая жизнь на другом краю Советского Союза.

И, наконец, вы узнаете историю долгого и трудного возвращения в город, где автором этой книги было потеряно все, кроме памяти о личной и общей блокадной трагедии.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Борис Кудояров, Михаил Трахман, Всеволод Тарасевич, Алексей Варфоломеев, Григорий Чертов, Анатолий Гаранин, Израиль Озерский / РИА Новости
- © Фото из личного архива Геннадия Чикунова
- © Г. Чикунов, текст, 2020
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-117134-6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Автобиография	9
Война	65
Эвакуация	129
Башкирия	144
Школа	176
Послесловие	251
Комментарии	256

ПРЕДИСЛОВИЕ

=====

«Война, словно дорожный каток, беспощадно подминает под себя все движимое и недвижимое, живое и мертвое, оставляя после себя израненную, измученную, политую горькими слезами пустыню. Она не щадит никого». Эти слова Геннадия Чикунова, автора и главного героя представленной читателю автобиографии, могли бы послужить эпиграфом ко многим воспоминаниям о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда 1941–1944 годов, 872-дневной осаде, унесшей жизни более миллиона советских граждан, большинство из которых погибли от голода.

Рассказ о войне глазами простого человека, вспоминающего о своем детстве, не является чем-то новым. В то же время это то свидетельство о прошлом, которое не может и не должно устареть и подвергнуться девальвации. Часто своей эмоцией и субъективным видением военной катастрофы индивидуальная и коллективная память свидетелей корректирует и оспаривает образы, предлагаемые официальной историей с ее жадной уравнивающим единого видения. Специалисты по блокаде Ленинграда насчитывают более

четырехсот опубликованных и неопубликованных блокадных дневников, количество отдельных воспоминаний о блокаде измеряется тысячами. Много это или мало? Такой вопрос неуместен. Каждый дневник и каждое воспоминание о блокаде Ленинграда отражает микрокосм своего автора, вынесшего то, на что у современного читателя не хватит воображения. Что бы нам ни казалось, мы еще очень мало знаем о блокаде Ленинграда. И здесь публикацию новых воспоминаний, столь проникновенных и информативных как автобиография Геннадия Чикунова, можно только приветствовать: она будет интересна не только обычному читателю, но и историкам.

Геннадий Чикунов родился в 1934 году в поселке Невдубстрой Ленинградской области. За время Ленинградской битвы на этом месте, известном как Невский пятак, погибнет более пятидесяти тысяч советских солдат. В начале войны вместе со своей матерью и сестрой маленький Гена, как и другие беженцы из пригородов, спасается в Ленинграде, не зная, что совсем скоро город будет блокирован, а жизнь беженцев там — без родственников, без работы, без связей, с одними иждивенческими карточками — превратится в подобие ада на земле, обрекающее горожан на вымирание.

В 1944 году отец Гены — заместитель командира партизанского отряда, воевавшего с немцами на территории Ленинградской области, пропадет без вести. Мать будет до конца спасать детей, отдавая им свою еду, и умрет от дистрофии во время эвакуации вскоре после того, как катер перевезет ее и детей через

Ладожское озеро. Едва пережив первую блокадную зиму, осиротевшие Гена и его младшая сестра Фая эвакуируются в Башкирию — новый для них и отчасти экзотический мир, где больше не будет блокадного ужаса артобстрелов и хождений по выморочным квартирам-склепам в поисках топлива, но выживать будет по-прежнему трудно. Оказавшись в детском доме, где Гена откроет и разовьет у себя любовь к музыке, мальчик найдет своих родственников. Вскоре он начнет самостоятельную жизнь.

Четырнадцатилетний подросток, из-за голода выглядящий на фотографиях гораздо младше своих лет, предпримет попытку вернуться в послевоенный Ленинград. Дорога домой растянется на долгие месяцы: Гена вернется туда только в 1948-м. Наконец-то оказавшись в полуразрушенном городе, где он потерял самое дорогое — мать, Гена поймет, что здесь его никто не ждет и идти ему некуда. Так мальчик против воли попадет в детприемник, нравами напоминающий колонию для несовершеннолетних преступников. Только ухватившись за предложение поработать учеником мастера на авиационном заводе, Гена сумеет вырваться из детприемника, и это решение определит его дальнейшую жизнь и профессиональную карьеру. Тема войны и блокады, память о судьбе родителей навсегда останутся для него незаживающей раной: Геннадий Чикунов всю жизнь будет верить, что выжил только благодаря самопожертвованию своей матери.

Автобиография Геннадия Чикунова — это история о том, как счастливое довоенное детство сменяется

выживанием в блокадном Ленинграде, а наивная вера в милитаристские лозунги сталинских парадов и агитфильмов испаряется перед лицом подлинного страдания. В отличие от многих воспоминаний, концентрирующихся на войне и блокаде как герметичном событии, с двух сторон «запаянным» мощными образами начала войны и Победы, автобиография Чикунова создает особый мир довоенного, военного и послевоенного прошлого. Этот мир, показанный через оптику советского ребенка, расскажет современному читателю о том, как воспринимались конец 1930-х годов, Великая Отечественная война, «смертное время» блокады, чего стоила не менее опасная эвакуация и тяжелая жизнь на другом краю Советского Союза, а также историю долгого и трудного возвращения в город, где автором этой книги было потеряно все, кроме памяти о личной и общей блокадной трагедии.

**...НАВЕРНО, ВСЕ-ТАКИ НЕДАРОМ,
СЧИТАЮТ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНЫМ
ДАРОМ**

Народная мудрость гласит, что жизнь прожить — не поле перейти. Глубокий смысл этого изречения начинаешь понимать только после того, когда за плечами остается большая часть прожитых лет. Когда пройдешь

через огонь, воду и медные трубы. Несмотря на то, что все мы живем на одной планете, над всеми нами одно и то же небо и светит одно и то же солнце, каждому из нас судьба дарит свою жизнь.

У одного биография умещается на одном листочке бумаги или даже в нескольких строках, а описание жизни некоторых людей требует большого труда, терпения, умения, таланта и доброй памяти.

Людям моего поколения судьба подарила все прелести жизни. Почти в прямом смысле пришлось пройти через огонь, воду и медные трубы. Вместе с нашими родителями и людьми старшего поколения пришлось пройти через войну, обстрелы, голод, холод, горы человеческих трупов, скитание по просторам нашей необъятной страны. После мирной, спокойной, обеспеченной жизни с родителями, пришлось окунуться в голодную, холодную, босоногую, тревожную, сиротскую жизнь. Если описать только те хитросплетения жизни, что остались в памяти (к сожалению, большая часть событий уже забылась), потребуется очень много времени, терпения, бумаги и чернил. Сейчас, по прошествии стольких лет, восстановить в памяти многие события уже невозможно, но то, что еще не забыто, я постараюсь описать по мере своей малограмотности и отсутствия таланта к сочинительству. И назову я это повествование просто:

АВТОБИОГРАФИЯ

Как известно, каждая биография или автобиография начинается с даты и места рождения.

Родился я 24 августа 1934 г. в небольшом рабочем поселке Невдубстрой, что в 30 км от г. Ленинграда. В настоящее время — г. Кировск. Во время В. О. В. на этом месте располагался знаменитый Невский пяточок, где полегла не одна тысяча наших солдат, защитников Ленинграда.

Возник этот поселок на левом берегу Невы благодаря строительству Ленинградской 8-й ГРЭС им. Кирова, которая снабжала, снабжает и сейчас электроэнергией г. Ленинград. Топливом для выработки электроэнергии является торф, который добывается на многочисленных болотах, расположенных в окрестностях тогдашнего поселка, а в настоящее время города. В том числе и знаменитые Синявинские болота, где шли ожесточенные бои с фашистами во время блокады Ленинграда.

До войны поселок был окружен хвойными лесами. И лес, почему-то, называли лесопарком. И он действи-

тельно был похож больше на парк, чем на лес. Огромные вековые сосны и ели окружали поселок с трех сторон, обдавая его целебным запахом хвои, а в летнюю жару к этому аромату прибавлялся еще и запах смолы. Земля была усеяна толстым слоем опавших с деревьев иголок, и ходить по ней было мягко и приятно, словно по дорогому пушистому персидскому ковру. Несмотря на запреты родителей, мы, в то время дети, любители поваляться на этих мягких, душистых иголках, за что каждый раз получали нагоняи. Родители боялись, что мы, валяясь на земле, можем простудиться.

Как известно, все электростанции стараются строить на берегу каких-то водоемов. Ленинградская 8-я ГРЭС не была исключением из этого правила и была воздвигнута на берегу реки Невы. Соответственно, и поселок, где жили работники, обслуживающие ГРЭС, был построен на берегу полноводной, глубоководной, своенравной, во многом не похожей на другие водоемы реке — красавице Неве. Великой эту реку назвать нельзя потому, что вся ее длина составляет 74 км. В отличие от других рек, которые начинают свой бег с болотцев и маленьких ручейков, Нева с самого своего истока вытекает из самого крупного озера Европы — Ладожского, глубины которого в некоторых местах доходят до 225 м, широкой и глубоководной рекой устремляется к Финскому заливу, преодолевая это расстояние где-то за 14–15 часов. В районе Ленинграда Нева разделяется на несколько рукавов, образуя дельту.

В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ РЕК, В НЕВЕ НАБЛЮДАЕТСЯ ДВА ЛЕДОХОДА: ПЕРВЫЙ — НЕВСКИЙ И ВТОРОЙ — ЛАДОЖСКИЙ.

Первый, Невский ледоход проходит почти незаметно: после небольших подвижек целые ледяные поля сначала раскалываются на отдельные островки, которые, как бы нехотя, отправляются в недалекое плавание, по пути ускоряя свое движение, островки раскалываются на отдельные льдинки самой причудливой формы и спокойно, без лишнего шума, уплывают с насиженных за зиму мест в сторону моря.

Ладожский, в отличие от Невского, спустя 10–15 дней, словно убедившись, что путь к морю свободен, врывается в Неву с шумом и скрежетом огромными льдинами, иногда целыми полями с какими-то шалашами и другими непонятными постройками. Во время такого ледохода частенько на берегу Невы можно было видеть толпы людей, с любопытством наблюдавших за огромными льдинами, которые то налезали друг на друга, образуя огромные айсберги, то напозлали на берег с каким-то скрежетом и шипением. Особо отчаянные подростки пытались вскочить на ближайšie к берегу льдины и прокатиться на них, за что получали от взрослых нагоняи и подзатыльники.

По каким-то труднообъяснимым причинам в это время почти всегда происходило похолодание. После прохождения льда наступали теплые дни.

Сколько людей проживало в то время в поселке, я не знаю, но, судя по количеству домов и улиц, можно предположить, что где-то около 10–15 тысяч. Главными жилыми постройками являлись пять трехэтажных и один четырехэтажный дом, которые ровными рядами, словно шеренги солдат, выстроились в нескольких

сотнях метров от берега Невы. Первый недалеко от берега, а остальные пять, глядя друг другу в затылок, устремившись в глубь территории поселка. Кроме шести каменных, были еще двух- и одноэтажные деревянные дома. Вокруг поселка Невдубстрой располагались небольшие рабочие поселки, которые именовались по номерам: рабочий поселок № 1, рабочий поселок № 2, рабочий поселок № 3 и т. д. Жители этих рабочих поселков в основном добывали торф для электростанции, а также выращивали продукты сельского хозяйства. Если жители основного поселка занимались выработкой электроэнергии при помощи турбин, которые неустанно крутились круглыми сутками, снабжая Ленинград в то время очень дефицитной продукцией — электричеством, жители рабочих поселков способствовали этому, снабжая ГРЭС топливом, а население продуктами. Благодаря близости такого мощного промышленного центра основное снабжение осуществлялось из Ленинграда, как по реке, так и по железной дороге. В поселке фактически было два вокзала, которые соединяли его с городом: один непосредственно в поселке, поблизости от электростанции, второй — на правом берегу Невы, куда можно было попасть при помощи небольшого пароходика, который регулярно курсировал от одного берега к другому. Если нужно было попасть на Московский вокзал г. Ленинграда, то отъезжали с вокзала, который был расположен в самом поселке. Если на Финляндский, то садились на поезд с вокзала за рекой.

Кроме электростанции, где трудилась основная масса населения, в поселке были большой автомобильный

гараж, хлебозавод, целая сеть торговых учреждений и учреждений общепита, школа, больница, летний и зимний кинотеатры, стадион с гаревой дорожкой, что в то время для подобных поселков было роскошью. В лесопарковой полосе была оборудована зона отдыха с лодочной станцией, с различными развлекательными аттракционами для людей самых разных возрастов. Мне особенно запомнился аттракцион «Гигантские шаги», где со столба свешивались толстые канаты с петлями для сидения на концах. Засунув одну ногу в петлю, можно было разбежаться и крутиться вокруг столба несколькими человек одновременно. Этим аттракционом могли пользоваться даже мы, в то время бывшие еще детьми. Особенной популярностью пользовалась парашютная вышка, около которой всегда была толпа любопытных зрителей и болельщиков, болевших за смельчаков, решившихся прыгнуть с парашютом с этой огромной высоты. Приземлившихся с парашютом зрители встречали аплодисментами и одобрительными возгласами, а неудачников, спускавшихся с вышки по лестницам обратно на землю, улюлюканьем, свистками, насмешками и не очень лицеприятными эпитетами. Рассказывали, что даже я, еще не умевший говорить как следует из-за малого количества лет, кричал вслед неудачникам: «Дяденька стьюсил, стьюсил!»

По выходным и праздничным дням в «Ракушке» — так называли летнюю эстраду, которая действительно была очень похожа на морскую раковину, — играл духовой оркестр, выступали самодеятельные и профессиональные артисты из г. Ленинграда. Недалеко от летней эстрады располагалась танцевальная площадка, где по

вечерам в хорошую погоду звучала как оркестровая, так и инструментальная танцевальная музыка, исполняемая местными гармонистами и баянистами.

Впервые в жизни я услышал настоящую живую музыку именно в этом лесопарке. Интерес к музыке у меня появился, можно сказать, с пеленок. Рассказывают, что, когда я был еще грудным ребенком, стоило только заиграть по радио какой-то музыке, прекращались с моей стороны все капризы, и я мог лежать молча целыми часами, наострив уши, сверкая черными глазницами из стороны в сторону, словно ища источник звучания. Судя по такому поведению, можно предположить, что в это время я забывал о голоде, каких-то болях и мокрых пеленках. Будучи уже на несколько месяцев взрослей, когда я начал делать первые неуверенные шаги и меня стали брать на прогулки в лесопарк, заслышав звучание духового оркестра, я вырывался из рук и, не умея еще говорить, всеми доступными мне способами показывал, что мне нужно быть там, где звучит музыка. Говорят, что однажды родители каким-то образом не уследили за мной, и я, заслышав музыку, пустился ползком в сторону игравшего духового оркестра, перемазавшись в грязи и масляной краске. После такого марш-броска белоснежный праздничный костюм восстановлению не подлежал и исчез куда-то навсегда из моей жизни. Не зря говорят, что искусство требует жертв. В моей жизни это была первая жертва ради него.

Со временем, как говорят знающие люди, у меня определили врожденный абсолютный слух, который

дается свыше далеко не каждому ребенку. Чаще всего слух бывает приобретенный. Если при врожденном абсолютном слухе начать заниматься музыкой, то можно добиться больших успехов в музыкальном искусстве. Друзья и знакомые советовали моим родителям направить меня учиться музыке в Ленинградский институт культуры им. Н. К. Крупской, где имелся класс для одаренных детей. Туда принимали с семилетнего возраста. В августе 1941 года мне как раз исполнялось семь лет, и мне было объявлено, что летом мы поедем туда поступать. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, которая поломала судьбы миллионам людей. И вместо института культуры пришлось кончать университеты выживания. Говоря словами Марины Цветаевой, «из рая детского житья» пришлось сразу же окунуться в ад взрослой, суровой, беспощадной жизни. И о поступлении в институт пришлось забыть навсегда.

КАК ИЗВЕСТНО, ОДНОГО БОЖЬЕГО ДАРА НЕДОСТАТОЧНО. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ КАКИХ-ТО УСПЕХОВ, НЕОБХОДИМО УЧИТЬСЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ ВСЮ СОЗНАТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ. НАЧАВШАЯСЯ ВОЙНА ОТНЯЛА НЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНОСТЬ УЧИТЬСЯ, НО И УСЛОВИЯ ДЛЯ САМООБУЧЕНИЯ. Сколько я себя помню, меня все время интересовали предметы, способные издавать какие-то звуки. Будь то стаканы, кружки, тарелки, графины, когда я ударял по ним ложкой или каким-то другим предметом. Даже доски на заборе издавали отличные друг от друга звуки. При помощи всех этих так называемых музыкальных инструментов я пытался изобразить какое-то подобие мелодии, за что частенько получал различные наказания от родителей за

разбитую посуду или невообразимый шум, устроенный мною при помощи колотушки и первого попавшегося под руку «музыкального инструмента». В прямом смысле с музыкальным инструментом я встретился, когда мне было около пяти лет от роду. Это была балалайка. Откуда она взялась в нашей семье, я не знаю. Я также не помню, чтобы кто-то на ней играл. Вначале я неосознанно, беспощадно бил руками по лежащей балалайке и внимательно вслушивался в звучание струн. А когда стал брать ее в руки и понял, что при зажатии части струн ладошкой в разных местах звук меняется, меня она заинтересовала окончательно. Скорей всего, мне показали, как правильно обращаться с инструментом, и за сравнительно короткий срок я уже мог извлекать звуки, похожие на какую-то мелодию. Сейчас я уже не помню, что я тогда играл и как, единственное — остались в памяти одобрительные отзывы взрослых жильцов с нашего 3-го этажа, когда я выходил поиграть в коридор, простиравшийся на всю длину дома. К сожалению, мои коридорные гастроли длились недолго. Однажды, когда я в очередной раз уселся на своем маленьком стульчике с балалайкой в руках, в коридор ворвались две партии дерущихся между собой мальчишек. Причем дрались они не на кулачки и не при помощи палок, а камнями. Получилось так, что одна партия была от меня слева, другая — справа, а я со своей балалайкой оказался между ними, на нейтральной полосе. При очередном каменном залпе, который был произведен с правой от меня стороны, один из камней не долетел до противника и угодил прямо в мою балалайку, от которой осталась одна ручка с повисшими на ней струнами.